

d'ie 'шестовый дом' – 'летнее жилище', названия одежды (*mökčüke* 'доха', *ĩntika* 'шапка с песцовым хвостом', *telegi* 'мужской зимний пояс', *kipču* 'спальный мешок-одеяло', *gurumi atak* 'зимняя обувь без вышивки', *kunutu* 'обувь, расшитая бисером'), промысловая терминология (*ĩrba* 'время метания икры рыб', *kiŋle* 'лыжи', *hikire* 'удочка для ловли налима'), названия животных, птиц, рыб, насекомых (*toki* 'лось', *d'ukun* 'выдра', *horuki* 'глухарь', *homka* 'ворона', *kuktu* 'кукушка', *haŋan* 'налим', *hirikte* 'муравей'), названия, относящиеся к рельефу местности и явлениям природы (*teen* 'большая лайда, ровное место в тундре', *aldis* 'скала, утес', *uogan* 'порог'), названия частей тела человека и животных (*et* 'тело, мясо', *bas* 'голова', *atak* 'ноги'), архаизмы, связанные с верованиями долган (*arkalān* 'привеска на шаманском костюме, идущая поперек спины', *ari* 'нечистая сила, злой дух', *lügdüŋku* 'души умерших, превратившиеся в злых духов', *turug* 'шаманский столб'). Слова русского происхождения попали в Д.я. с развитием новых общественных отношений, появлением новых понятий, предметов хозяйственного и бытового обихода (*bāj kipnas* < рус. *купец*, *kinēs* < князь, *lānkĩ* < лавка, *säbüät* < совет). Однако в Д.я. отсутствует совр. политическая и научно-техническая терминология.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аксенова Е.Е., Бельтюкова Н.И., Кошеверова Т.М. Словарь долганско-русский и русско-долганский. СПб., 1992; Артемьев Н.М., Петров А.А. Долганы: язык, история, фольклор, культура (указатель рекомендуемой литературы). Справочно-библиографическое пособие. СПб., 1993; Долгих Б.О. Происхождение долган//Сибирский этнографический сборник. Т.5. М., 1963; Попов А.А. Долганы//Народы Сибири. М.–Л., 1957; Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960; Убрятова Е.И. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985.

С.И.Андросова

ДУНГАНСКИЙ ЯЗЫК

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Дунганский язык относится к китайской ветви сино-тибетской семьи языков (см. *Китайско-тибетские языки*). Носители Д.я. известны под разными этнонимами: «дунган», «тур-

ган», «хуэй»; самоназвание – *лохуэйхуэй*, или *хуэйцзу*, а также *джун-ян*. Большинство дунган проживает в КНР (там их называют *хуэй*). Расселены они также в Киргизии, Казахстане и Узбекистане.

Численность дунган определяется исследователями по-разному: одни полагают, что их в Китае 30–40 млн, другие – 4–6 млн, по последним данным – ок. 7,5 млн чел. Незначительное кол-во дунган проживает также в странах Юго-Вост. Азии: Бирме, Малайзии, Индонезии, Сингапуре, Лаосе, Камбодже. Дунгане, проживающие на терр. бывш. СССР, – это потомки участников волнений в Сев.-Зап. Китае в 1862–1877 гг., известных в исторической литературе под назв. «Дунганское восстание»; они переселились в Казахстан и Ср. Азию, спасаясь от преследований маньчжуро-китайских правителей. По переписи 1989 г., их ок. 70 тыс., в РФ – 635 чел.

До революции 1917 г. дунгане не имели своей письменности. Незначительная часть их пользовалась тогда китайской иероглифической, арабской и русской письменностью. Собственную письменность дунгане обрели в советское время. В 1927 г. в Ташкенте дунганские студенты Я.Шиваза, Ю.Яншансин, Х.Макеев и др. составили первый проект дунганского алфавита на основе арабской графики с добавлением семи букв. Шесть букв, заимствованных из татарского и уйгурского алфавитов на арабской основе, служили для передачи звуков *г, ж, джь, п, тш, ү*, седьмая же, вновь созданная буква, обозначала звук *ц*. В 1932 г. был принят дунганский алфавит на основе латинской графики. Из пяти дополнительных букв, отсутствующих в латинском алфавите, лишь две по общему начертанию несколько отличались от остальных. Кроме того, было использовано минимальное кол-во диакритических знаков. Одновременно разрабатывалась орфография. Письменностью, основанной на латинском алфавите, дунгане пользовались до нач. 1950-х гг. В 1953 г. был принят дунганский алфавит на основе русской (кириллической) графики с добавлением пяти букв с диакритикой, а в 1954 г. – новая дунганская орфография и пунктуация. Дунганская письменность на основе кириллицы представляет собой редкое явление. Это сегодня одна из немногих в мире активно используемых алфавитных (фонетических) систем письма, которая обслуживает силлаботонический язык изолирующего типа, и не фиксирует при этом тоновую характеристику слога.

350 ДУНГ Дунганский алфавит выглядит следующим образом: а, б, в, г, д, е, ё, э, ж, ж, з, и, й, к, л, м, н, н, о, п, р, с, т, у, ү, ү, ф, х, ц, ч, ш, ш, ы, э, ю, я.

Вместе с новым письмом дунгане получили возможность развивать свою нац. литературу, которая имела надежную базу – многовековые фольклорные традиции. Сказки и предания, песни и героические сказания, поговорки и поговорки, анекдоты и загадки, мифы и легенды – все это создавалось веками и передавалось из уст в уста, из поколения в поколение. Первые записи дунганского фольклора в дореволюционное время были сделаны В.И.Цибузгиным, А.Шмаковым и А.П.Беннигсенем. Затем, уже в советское время, произведения устного народного творчества дунган собирают и публикуют Б.А.Васильев, А.А.Драгунов, Б.Рифтин, Х.Юсуров, В.Шахматов, М.Хасанов, И.Шисыр, Д.Хахаза. Основа дунганской литературы заложена группой литераторов во главе с Ясыром Шивазой. В 1920-х гг. выходил рукописный журнал «Шүэсын» («Ученик»), в нач. 1930-х гг. – публикации на специально отведенной полосе газеты на киргизском языке «Сабатту бол» («Будь грамотным») и на страницах дунганской газеты «Дун хуэцир» («Искра Востока»). Первая книга художественных произведений на Д.я. вышла в свет в 1931 г. – это сборник стихов Я.Шивазы «Лёнминцин» («Утренняя звезда»). Затем появляются произведения других авторов, что способствовало становлению и развитию нац. литературы, а также формированию лит. Д.я.

На Д.я. издаются газета «Шыйүэди чи» («Знамя Октября»), художественная и научно-популярная литература, а также школьные учебники и уч. пособия, ведутся радио- и телепередачи. Д.я. преподается в тех школах, где учащиеся-дунгане составляют большинство. Д.я. активно функционирует во всех сферах семейной, производственной, социальной, культурной жизни. Сегодня большинство дунган двуязычно, часто дунганин владеет, кроме Д.я., еще одним, двумя (или даже более) языками (русским, киргизским, казахским, уйгурским, узбекским и др.).

Диалектный состав Д.я. весьма разнообразен: ганьсуйский, шэньсийский, хэджу, ягэ и др. диалекты. Основными являются ганьсуйский и шэньсийский. Число говорящих на том и другом диалекте примерно одинаковое. В основе лит. языка лежит ганьсуйский диалект. Шэньсийский диалект отличается от

лит. языка более всего на уровне фонетики и лексики: в ганьсуйском диалекте три тона, а в шэньсийском четыре; в шэньсийском диалекте нет губно-зубного *v* и переднеязычных *d'* и *t'*; в ганьсуйском заднеязычные *g*, *k*, *x* не сочетаются с гласным *u*; шэньсийским словам *гуан* 'ведро', *ляму* 'быстро' соответствуют ганьсуйские *гонзы* и *куэ* и др.

Первые сведения о языке дунган в 1909 г. опубликовал В.И.Цибузгин. Его «Заметки о жизни дунган селения Каракунуз Пишпекского уезда Семиреченской области» («Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Отделения Русского Географического общества». Вып. 4. Семипалатинск, 1909), написанные совместно с А.Шмаковым, и «Дунганские загадки, собранные в селении Каракунуз» («Семиреченские областные ведомости», 1897, № 55, 56), представляют собой ценный материал для изучения шэньсийского диалекта.

Всестороннее изучение Д.я. началось в советское время. Е.Д.Поливанов впервые определяет состав дунганских фонем и основные корреляции согласных, дает характеристику тонов. Его работы послужили теоретической основой создания дунганской письменности. А. и Е. Драгуновы исследовали процесс монофтонгизации дифтонгов, закономерности распределения ударения внутри слова в зависимости от тонов составляющих его слогов. Впервые экспериментальные данные о дунганских тонах были получены в 1940 г. Ю.Яншансином. Звуки Д.я. получают краткую фонетическую характеристику в статье Х.Б.Бугазова «Фонетическое освоение русских лексических заимствований в дунганском языке» («Изв. АН Кирг. ССР.» Т. 2. Вып. 2. Фрунзе, 1960). Высказывается здесь также идея о том, что дунганский дифтонг не двугласный, а сложный, нерасчленимый гласный. Закон открытого слога и наличие придыхательных согласных в Д.я. отмечено как фонологически существенное явление в работах А.Калимова. Сопоставительному изучению дунганских и русских фонем посвящены статьи А.Мансузы («Ученые записки Тартуского университета. Труды по востоковедению. Дунгановедение». Вып. 507. Т. 5. Тарту, 1979; сб. «Звуковая и семантическая структура языка». Фрунзе, 1975 и др.). Выявление сходств и различий двух языков на фонологическом уровне и установление причин ошибок у дунган при овладении ими русским произношением составляют главное содержание этих работ, представляющих по сути разработку фонологиче-

ских основ обучения дунган русскому языку. Данные о дунганских диалектах имеются в брошюре Ю.Яншансина «Токмакский диалект дунганского языка» (Фрунзе, 1968). В ней, в частности, приведено количественное соотношение звуков, а также тонов двух основных диалектов. Сведения о диалектах содержатся в ряде работ О.И.Завьяловой («Диалекты Ганьсу», М., 1979; «Диалекты китайского языка», М., 1996), где детально описаны тоны дунганских диалектов на фоне системы китайских диалектов, реализация тонов в различных позициях, выявлены тоновые различия дунганских диалектов путем экспериментально-фонетического анализа.

В научное описание грамматики дунганского языка большой вклад внесен А.А.Драгуновым. Его работы 1940-х гг. «Исследования в области дунганской грамматики. Категории вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу)», «Грамматическая система современного китайского разговорного языка» (М., 1962) и «Исследования по грамматике современного китайского языка» (М.-Л., 1952), широко использующие материалы живой дунганской речи, заложили основы системного анализа значений и форм грамматических конструкций Д.я. на фоне динамических процессов, происходящих в близкородственных диалектах китайского языка. Фонетике, орфографии, морфологическому и синтаксическому строю Д.я. посвящен ряд монографий и учебников М.Х.Имазова.

Лексика отражена в нескольких словарных изданиях. Существенным событием в этой области был выход «Краткого дунганско-русского словаря» Ю.Яншансина (Фрунзе, 1968), который и по сей день остается единственным лексикографическим описанием основного словарного состава Д.я. В 1981 г. сектором дунгановедения отдела востоковедения Киргизской академии наук был издан трехтомный «Русско-дунганский словарь». Словообразованию Д.я. посвящены труды Ю.Цунвазо, которые являются пока единственными в этой области. В последние годы появились работы, в которых осуществляется многоаспектное описание лексической семантики Д.я. (Б.Ю.Городецкого, Т.С.Зевахиной, Ф.Н.Хавазы и др.). Проблема семантики нашли, в частности, отражение в трудах регулярно проводимых конференций «Проблемы китайского языкознания» (Москва, ИЯ РАН, 1984–1996). Сборник статей «Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии» содержит результаты полевого изучения дунганской семантики

в экспедициях МГУ им. Ломоносова. Систематические исследования по Д.я. проводит ныне отдел дунгановедения Киргизской академии наук.

Определенный интерес к Д.я. проявляют и зарубежные ученые. Этому, надо полагать, способствовали как все увеличивающееся число публикаций о нем в нашей стране, так и труды всемирно известных ученых Н.С.Трубецкого и А.А.Драгунова, опубликованные в солидных зарубежных изданиях. Д.я. посвящают свои труды ученые Австралии и ФРГ, Японии и Финляндии. Следует, однако, сказать, что большинство этих работ носит научно-популярный характер и, как правило, представляет собой критический обзор, а то и просто реферирование научных исследований отечественных ученых.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

I. Фонетика. Лингвистические сведения в настоящем очерке ориентированы на описание ганьсуйского диалекта как основы лит. Д.я. В качестве минимальной базовой единицы выступает не фонема, а слог, или слогафонема (силлабема). Он является реализацией некоторой морфемы (или нескольких омонимичных морфем), и наоборот, всякая морфема, как правило, состоит из одного слога. Сегменты же речи, меньшие, чем слог, как правило, морфемой быть не могут. Эту базовую единицу называют силлабоморфемой, слогоморфемой, морфосиллабемой, словослогом. Она символизирует собой интегративный характер соотношения фонетического и морфологического уровней языковой системы.

С точки зрения собственно фонетической, слог выступает как спаянный звуковой комплекс, задаваемый своим сегментным составом и тоновой характеристикой. В лит. Д.я. различается три тона. Реализация тонов в Д.я., как и вообще в китайских диалектах, характеризуется изменчивостью и вариативностью (как в говорах некоторых населенных пунктов, так отчасти и у отдельных носителей языка). Поэтому наименования тонов являются условными. В словарных и учебных публикациях тоны обозначаются римскими цифрами, при этом тоновая характеристика слова обычно ставится после него (*мажуан* II–III). В данной работе принято обозначение тонов арабскими цифрами после слога: *ма*¹ 'мать', *ма*² 'лошадь', *ма*³ 'ругать', *ма*²*жуан*³ 'конюшня', *да*¹ 'отец', *да*² 'ударять', *да*³ 'большой', *да*²*сы*² 'убить'. Весьма распространен-

ной фонетической реализацией тоновой системы является такая, при которой

I тон может быть назван восходящим (в нем слились китайские 1-й и 2-й тоны), II тон — резко нисходящим (соответствует 3-му китайскому тону), III — высоким ровным (соответствует 4-му китайскому тону). В определенных условиях могут происходить чередования и нейтрализация тонов.

Большинство исследователей признает наличие в Д.я. и динамического ударения, место которого внутри слова определяется тоновой структурой. Так, в структурах II-I и III-I ударение падает на первый слог, а в структурах I-II и I-III — на второй.

Максимально развернутая сегментная структура слога в Д.я., как и в китайском, включает четыре элемента. Это инициаль (согласный, начинающий слог), медиаль (неслогообразующий гласный), централь (слоγοобразующий гласный) и терминаль (конечный неслогообразующий элемент, исторически восходящий к полугласному или сонанту). Последние три элемента объединяются понятием финали.

В функциональном отношении инициали и финали (а тем более, их составные элементы) обладают весьма ограниченной степенью самостоятельности. Это не мешает, однако, тра-

ктывать элементы слога как фонемы, организованные в особые системы. При этом надо помнить, что многие парадигматические и все синтагматические свойства фонем определяются механизмами построения слога, законами взаимодействия инициалей и финалей.

Практически всякая силлабоморфема имеет ненулевую инициаль. Система инициалей (согласных) Д.я. представлена латинизированной транскрипцией в таблице 1.

По артикулирующему органу согласные делятся на губные (губно-губные и губно-зубные) и язычные (переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные). По способу артикуляции противопоставлены шумные (взрывные, фрикативные, аффрикаты) и сонорные (носовые и ротовые). Существенную роль в системе инициалей играет корреляция по отсутствию или наличию аспирации: таковы пары *b—p*, *d—t* и т.д. (для простоты мы не используем здесь специального знака, обозначающего аспирацию). Фонетическая реализация неаспирированных согласных может варьировать в зависимости от их места во фразе, темпа речи и др. факторов. Они могут звучать как слабые глухие или как полувзвонкие. Аналогично может варьировать и произношение аспирированных согласных, которые реализуются как сильные глухие с различным качеством придыхания, например, перед глас-

Согласные (инициали)

Таблица 1

	Губные		Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные
	губно-губные	губно-зубные	Зубные	Нёбные			
Взрывные	неаспирированные	<i>b b'</i>	<i>d d'</i>			<i>g g'</i>	
	аспирированные	<i>p p'</i>	<i>t t'</i>			<i>k k'</i>	
Фрикативные	звонкие	<i>v v'</i>		<i>ʒ</i>	<i>j</i>		
	глухие		<i>f f'</i>	<i>s</i>	<i>ʃ ʃ'</i>	<i>x x'</i>	
Аффрикаты	неаспирированные			<i>dz</i>	<i>dʒ dʒ'</i>		
	аспирированные			<i>ts</i>	<i>tʃ tʃ'</i>		
Сонорные	носовые	<i>m m'</i>		<i>n n'</i>			<i>ŋ</i>
	ротовые			<i>l l'</i>			

ными переднего ряда они могут иметь даже среднеязычную аспирацию типа немецкого *ich-Laut'a*, как в слове *пи¹зы²* 'кожа'. По отсутствию или наличию палатализации противопоставлены члены пар *b—b'*, *p—p'* и т.д., но их фонематический статус сомнителен (если считать второй член такой пары просто позиционным вариантом фонемы, фонетический облик которого обусловлен смягчающим воздействием последующей финали).

Итак, в Д.я. 21 согласная фонема (с учетом палатализованных — 36).

Орфография Д.я. использует те же способы, что и русская графика: мягкость согласного передается например, соответствующими гласными (*бан²* 'доска' — *бян²* 'плоский'). Однако дунганская письменность имеет и ряд специфических особенностей. Русскому противопоставлению по глухости—звонкости соответствует корреляция по аспирированности—неаспирированности (*пан²* 'полоть' — *бан²* 'доска'). Буква *з* обозначает аффрикату *dz*. Буква *ч* передает либо твердую фонему *tʃ*, либо мягкую *tʃ'*: *чы¹* 'кушать' и *чи¹* 'знамя'. В алфавит введена специальная буква *ж* для обозначения твердой и мягкой фонем *dʒ*, *dʒ'*: *жын¹* 'настоящий, неподдельный', *жин¹* 'золото'. К числу дополнительных знаков относится также буква *ң*, передающая звук *ŋ*. Буква *p* в качестве инициали употребляется только в заимствованных словах типа *радио*. Одна из особенностей орфографии заключается в том, что буква *э* используется как после твердых (*лэ¹* 'приходить'), так и после мягких согласных (*гэ²кэ¹* 'развязывать'). Причины этого явления лежат в истории языка: (в подобных случаях в кит. языке выступает дифтонг *ai*, но произносительные нормы совр. Д.я. дают более сложную картину фонетической реализации подобных сочетаний).

Любая финаль дунганского слога определяется прежде всего своим центральным гласным. В идеальной схеме ему предшествует медиаль (*ц*, *й*, *γ*), а за ним следует терминаль (*й*, *п*, *р*). Оба этих элемента редко бывают представлены в явном виде. Так, терминаль *п* слилась с центральным гласным, обусловив его назализацию; аналогично, терминаль *р* отражается в виде «эризации» центрального гласного. Центральных гласных в «чистом» виде насчитывается 9 (табл. 2).

Гласный *w* — очень закрытый гласный заднего ряда, при произнесении которого губы принимают щелеобразную форму. Гласные *й*, *ε* в некоторых позициях имеют дифтонгоидный характер. Имеются назализованные глас-

ные: *ĩ*, *ỹ*, *ã* (< *aⁿ*), *ẽ*, *õ*, *ũ*, *ĩ̃*, *ỹ̃*, которые на письме обозначаются сочетанием гласной и *n*: *сан¹* 'гора', *жын¹* 'человек'. Эризованные гласные *ĩ'*, *ỹ'*, *ẽ'*, *ã'* (< *a^r*), *ə'*, *ĩ'*, *o'*, *u'*, *w'* на письме обозначаются сочетанием гласной и *p*: *эп²дуэ¹* 'уши'.

Таблица 2

Гласные (централы)

Подъем	Передние	Средние	Задние
Верхний	<i>i</i> <i>γ</i>	<i>ĩ</i>	<i>u</i> <i>w</i>
Средний	<i>ε</i>	<i>ə</i>	<i>o</i>
Нижний		<i>a</i>	

Финали в Д.я. являются результатом действия внутрислоговых фонетических процессов, которые могли приводить и к видоизменению предшествующей инициали, и к взаимному влиянию элементов самой финали. Основная тенденция в этих процессах, сравнительно с китайским языком, состояла в развитии согласных за счет сокращения гласных. К проявлениям этой тенденции относятся:

1) монофтонгизация дифтонгов (*ao* > *o*, *ai* > *ε*, *oi* > *u*, *an* > *ã*: *мо¹* 'шерсть', *лэ¹* 'приходить', *ду¹* 'все', *ган³* 'делать', *фон¹зы²* 'дом');

2) исчезновение *й* как первого элемента дифтонга или трифтонга (в начале слога происходил переход в *й* или даже в *ж'*; в позиции медиали исчезновение *й* приводило к той или иной степени палатализации инициали: *йу¹* 'рыба', *жэ¹* 'клей', *дян²* 'зажигать');

3) исчезновение *ц* как первого элемента дифтонга или трифтонга (в начале слога происходила полная консонантизация, например *вэ¹* 'кривой'; в позиции медиали в одних случаях полугласный *ц* сохранялся, но одновременно лабиализовал предшествующий согласный, как в *хуа³* 'слово', а в других случаях мы находим полное исчезновение *ц* и образование качественно новых инициалей: *š* + *ц* > *f*, *tš* + *ц* > *pf* или *tf* или *kf*, *dž* + *ц* > *bv* или *dv*, например: *фэ¹* 'говорить', *чуан¹* 'корабль', *жуан³* 'вращаться';

4) утрата звонкости гласными *й* и *w* в неударенном положении и тенденция к их полному исчезновению (*шы¹ту²* 'камень', *чү¹чи¹* 'выйти');

5) исчезновение в живой речи гласного *й* в суффиксах *-ни*, *-ли* в неударенном положении (*ни² ще²ди¹н(и)¹ма² мэ¹ди¹?* 'ты пишешь или нет?').

Развитие консонантизма за счет вокализма объясняет ту сравнительную легкость, с какой дунгане, в отличие от китайцев, усваивают чужеземное произношение. Это, в частности, способствует фонетическому заимствованию иноязычных терминов.

Несмотря на широкую монофтонгизацию, в совр. Д.я. имеется целый ряд дифтоногов, в том числе назализованных и эризованных, например: гуон¹лён³ 'свет, блеск', ми¹хуар³ 'ромашка'. Буквосочетание -ый обозначает дифтонгизированный гласный *i*: мый¹мо² 'брови'. Буквосочетание -уй обозначает трансформированный дифтонг *ui*: туй¹ 'строгать'. Буква *у* обозначает фонему *w*, которая, как говорилось выше, оказывает существенное воздействие на предшествующие согласные *ч* и *ж*. Ср.: жу² 'поднять, держать', жу¹ 'свинья', жу³ 'пилить, пила', жу³ 'старый (о вещах)'.

Число сегментно различных слогов (с учетом слогов с эризованными финалями) — 530 (см. табл. 3)

Состав финалей (в орфографическом виде)

a: -а -ан -ар —	и: -у -ун -ур -уй
-я -ян -яр —	-ю — -юр —
ε: -э — -эр —	-уа -уан -уар —
-е — -ер —	-уэ — -уэр —
ə: -ə — -əр —	-уə — -уəр —
o: -о -он -ор —	— -уон -уор —
-ё -ён -ёр —	w: -ў — -ўр —
i: -и -ин -ир —	γ: — -үн -үр —
i: -ы -ын — -ый	— -уан -уар —
	-уə — -уəр —

Большинство из этих абстрактных слогов реализуется в трех-tonированных силлабемах. Небольшое количество абстрактных слогов может произноситься в двух тонах (в I и II или в I и III, очень мало — во II и III). Небольшая группа абстрактных слогов реализуется лишь в одной-tonированной силлабеме (в основном, в I тоне, несколько слогов — во II тоне и практически ни одного в III). Тониро-

Слоги

Финали

Инициали	простые центральные								назализованные центральные						
	-а	-ε	-o	-ə	-и	-w	-γ	-i	-i	-ā	-ō	-w̄	-γ̄	-ī	-ī
b/b'	ба	бэ	бо	бə	—	бў	—	—	би	бан	бон	—	—	бын	бин
	бя	бэ	бё	—	—	—	—	—	—	бян	бён	—	—	—	—
v/v'	ва	вэ	—	вə	—	вў	—	—	ви	ван	вон	—	—	вын	вин
g/g'	га	гэ	го	гə	гу	гў	—	—	ги	ган	гон	гүн	—	гын	—
d/d'	да	дэ	до	—	ду	дў	—	—	ди	дан	дон	дүн	—	дын	дин
	—	де	дё	—	—	—	—	—	—	дян	—	—	—	—	—
ž	—	—	жо	жə	жу	—	—	жы	—	жан	жон	—	—	жын	—
dž/dž'	жа	—	жо	жə	жу	жў	жү	жы	жи	жан	жон	жүн	жүн	жын	жин
	жя	же	жё	—	—	—	—	—	—	жян	жён	—	—	—	—
dž	за	зэ	зо	—	зу	зў	—	зы	—	зан	зон	зүн	—	зын	—
j	я	е	ё	—	ю	—	йү	—	йи	ян	ён	—	йүн	—	йин
k/k'	ка	кэ	ко	кə	ку	—	—	—	ки	кан	кон	күн	—	кын	—
l/l'	ла	лэ	ло	—	лу	лў	лү	—	ли	лан	лон	лүн	лүн	лын	лин
	—	ле	лё	—	лю	—	—	—	—	лян	лён	—	—	—	—
m/m'	ма	мэ	мо	мə	—	мў	—	—	ми	ман	мон	—	—	мын	мин
	—	ме	мё	—	—	—	—	—	—	мян	—	—	—	—	—
n/n'	на	нэ	но	—	ну	нў	нү	—	ни	нан	нон	нүн	—	нын	нин
	ня	не	нё	—	ню	—	—	—	—	нян	нён	—	—	—	—
ŋ	—	—	—	ңə	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
p/p'	па	пэ	по	пə	—	пў	—	—	пи	пан	пон	—	—	пын	пин
	пя	пе	пё	—	—	—	—	—	—	пян	пён	—	—	—	—
s	са	сэ	со	—	су	сў	—	сы	—	сан	—	сүн	—	сын	—
t/t'	та	тэ	то	—	ту	тў	—	—	ти	тан	тон	түн	—	тын	тин
	—	те	тё	—	—	—	—	—	—	тян	—	—	—	—	—
f/f'	фа	фэ	—	фə	—	фў	—	—	фи	фан	фон	—	—	фын	—
x/x'	ха	хэ	хо	хə	ху	хў	—	—	хи	хан	хон	хүн	—	хын	—
tš	ча	чэ	чо	—	чу	чў	—	чы	—	чан	чон	чүн	—	чын	—
tš/tš'	—	—	чо	чə	чу	чў	чү	чы	чи	чан	чон	чүн	чүн	чын	чин
	чя	че	чё	—	—	—	—	—	—	чян	чён	—	—	—	—
š	—	—	шо	шə	шу	—	—	шы	—	шан	шон	—	—	шын	—
š'	щя	-ще	щё	—	щю	—	щү	—	щи	щян	щён	—	—	—	щин

ванная силлабема часто является реализацией двух или более омофоничных силлабоморфем, каждая из которых характеризуется своим кругом значений и морфолого-синтаксических потенций, выступая обычно как в функции слова, так и в функции корневого или суффиксального словообразовательного элемента.

Слово в Д.я. может быть как односложным, так и многосложным, но статистически преобладающим речевым минимумом является двуслог, или бином.

I. Морфология. Говорить о морфологии, словообразовании и синтаксисе изолированно представляется затруднительным. Необходимо сначала указать характерные черты грамматического строя Д.я. в целом. Наиболее общей чертой, затрудняющей независимое описание по уровням является отсутствие четкой границы между морфологией и синтаксисом, а также между структурами лексической сочетаемости и синтаксической сочетаемости. Это выражается в целом ряде явлений:

1) часто совпадают модели построения

словосочетаний и сложных слов (ср., например, сложные глаголы объектной модели, сложные существительные с атрибутивным отношением между компонентами);

2) отсутствует резкая граница между формой слова и формой синтаксического комплекса (так, видо-временной показатель может присоединяться не непосредственно к глаголу, а в конце всей глагольной группы, в других же случаях он может повторяться при каждом члене глагольной группы);

3) некоторые полуаффиксы (модификаторы) могут отделяться от основной части глагола прямым дополнением;

4) имеется целый ряд омонимичных знаменательных и служебных слов, например глагол и предлог (ср. предлог косвенного дополнения со значением адресата *gi²* от глагола 'давать', пространственный предлог *ze³* от глагола 'находиться') или существительное и союзное слово (ср. союзное слово *sy¹hur²*, совпадающее с существительным 'время');

Таблица 3

Медиаль + централь						Медиаль + назализованная централь					Медиаль + централь <i>й</i>	
<i>-иа</i>	<i>иа</i>	<i>-ие</i>	<i>-иэ</i>	<i>-иэ</i>	<i>-үэ</i>	<i>-иā</i>	<i>-иā</i>	<i>-үā</i>	<i>-иō</i>	<i>-иō</i>	<i>-wi</i>	<i>-й</i>
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	бий
<i>гуа</i>	—	<i>гуэ</i>	<i>гуэ</i>	—	—	<i>гуан</i>	—	—	<i>гуон</i>	—	<i>гуй</i>	—
—	—	—	—	<i>дүэ</i>	—	<i>дуан</i>	—	—	—	—	<i>дуй</i>	дый
—	<i>жуа</i>	—	—	<i>жүэ</i>	<i>жүэ</i>	—	<i>жуан</i>	<i>жуан</i>	—	—	<i>жуй</i>	—
—	—	—	—	—	—	<i>зуан</i>	—	—	—	—	<i>зуй</i>	зый
<i>куа</i>	—	<i>куэ</i>	<i>куэ</i>	—	<i>йүэ</i>	<i>куан</i>	—	<i>йуан</i>	—	<i>куон</i>	<i>куй</i>	—
—	—	—	<i>луэ</i>	—	<i>лүэ</i>	<i>луан</i>	—	<i>луан</i>	—	—	<i>луй</i>	лый
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	мый
—	—	—	—	<i>нүэ</i>	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	пый
<i>суа</i>	—	—	—	<i>сүэ</i>	—	<i>суан</i>	—	—	—	—	<i>суй</i>	сый
—	—	—	—	<i>түэ</i>	—	<i>туан</i>	—	—	—	—	<i>туй</i>	—
<i>хуа</i>	—	<i>хуэ</i>	<i>хуэ</i>	—	—	<i>хуан</i>	—	—	<i>хуон</i>	—	<i>хуй</i>	—
—	—	—	<i>чуэ</i>	—	—	<i>чуан</i>	—	—	—	—	<i>чуй</i>	чый
—	<i>чуа</i>	—	—	<i>чүэ</i>	<i>чүэ</i>	—	<i>чүан</i>	<i>чүан</i>	<i>чон</i>	<i>чюн</i>	<i>чуй</i>	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	<i>чён</i>	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	<i>шон</i>	—	—	—
—	—	—	—	—	<i>щүэ</i>	—	—	<i>щүан</i>	<i>щён</i>	—	—	—

5) для многих аффиксов или полуаффиксов характерно совпадение по форме и близость по значению к соответствующим самостоятельным словам (таковы, например, модификаторы в глаголах);

6) как следствие, показатели одного и того же типа грамматического значения могут иметь разный морфолого-синтаксический статус (т.е. грамматический показатель может иметь статус служебного слова, суффикса, грамматической конструкции, включающей как важное средство и порядок слов);

7) границы между частями речи подвижны (это касается и вспомогательных и основных частей речи, но главное, зыбки границы между прилагательными и глаголами, между прилагательными и качественными наречиями);

8) для выражения грамматических значений Д.я. использует весьма экономные средства (инвентарь формальных показателей очень невелик);

9) в то же время семантическая нагрузка имеющихся грамматических показателей зачастую очень весома и разнообразна (каждый из них имеет, как правило, широкий набор функций, причем они реализуются при тесном взаимодействии морфологических, синтаксических и лексических факторов);

10) ярким выражением этой тенденции является уникальный показатель $-ди^1$, который, сохраняя свою идентичность, выполняет широкий спектр функций в словоброении, в грамматической морфологии и в синтаксисе (самые типичные из них – выражение атрибутивных в широком смысле отношений и субстантивация различных категорий предикативных слов и словосочетаний, хотя вся гамма его функций с трудом поддается сжатой характеристике и делает его, как и китайский показатель de , заметным явлением в грамматической типологии языков мира; при этом надо отметить особенно широкий диапазон употребления именно дунганского показателя, т.к. он принял на себя и функции совпавшего с ним китайского суффикса $-zhe$);

11) организация грамматических показателей в систему грамматических категорий отличается значительной свободой: содержание категорий подвижно, а принцип обязательности категорий и принцип взаимоисключаемости их значений являются в Д.я. весьма относительными;

12) значительна вариативность средств выражения одного и того же типа грамматического значения (например, показателей от-

рицания, показателей вопросительности, показателей сравнительной конструкции);

13) для грамматической семантики характерно тесное взаимодействие видовременных значений с модальными;

14) большую роль играют в организации предложения служебные и полуслужебные наречия, частицы; модальные глаголы, выражения отрицания;

15) в целом характерна повышенная роль коммуникативной организации предложения;

16) указанное свойство приводит даже к такому типологически редкому явлению, как оформление прямого дополнения с помощью предлога (в этом случае реализуется коммуникативная выделенность прямого дополнения);

17) для синтаксиса характерен весьма строгий порядок слов, что обуславливается скудостью морфологических средств выражения межсловных связей; синтаксические конструкции основаны на порядке следования служебных элементов и знаменательных слов различных синтактико-семантических подклассов; это касается и предикатно-объектных, и разнообразных атрибутивных, а также обстоятельственных конструкций;

18) для синтаксиса не характерно четкое противопоставление активных и пассивных предложений (базовая предикативная конструкция может выражать и активное, и пассивное значение, отсутствуют глагольные показатели пассива).

Дунганская морфема, как уже отмечалось, обычно равна слогу. Исключениями являются корневые морфемы типа $ло^2ва^1$ 'ворона', заимствования типа $эр^3лин^1$ 'знания', которые этимологически не разложимы и воспринимаются как единое целое. Имеются корневые и аффиксальные (префикс, инфикс, суффикс) морфемы. Наиболее часто встречаются слова, в составе которых есть корень (или сложная основа из двух и более корней) и суффикс ($те^1-зы^1$ 'прут'), за ними по частоте встречаемости и кол-ву следуют слова, состоящие из корня (или сложной основы), словообразовательного суффикса и грамматического суффиксального показателя ($лу^1-зы^1-ни^1$ 'на очаге'). Довольно часто встречаются слова с инфиксом ($-бу-$, $-йи-$, $-дый-$): $чи^3-бу^1-чи^3$ 'идти или не идти', $кан^3-йи^1-хар^2$ 'посмотреть', $чы^1-дый^1-шон^1-ни^1-ма^1$ 'может ли съесть'. Редко в речи употребляются слова, состоящие из одного корня и грамматического суффиксального показателя ($чын^1ни^1$ 'в городе'), а также слова с префиксом (в такой роли иног-

на выступают отрицания *бу-*, *ма-*, *ву-*): *бу¹-ици³* 'болеть', *ву¹зуй³ди¹* 'невиновный'. Морфемный состав сложного слова отличается от состава простого слова по сути дела только кол-вом корневых морфем: ср. *чуан¹-шон¹-ди¹* 'находящийся на корабле' — *фын¹-чуан¹-шон¹-ди¹* 'находящийся на самолете' и др. (дунг. суф., в данном случае *-ди*, может находиться, помимо своего обычного места после корня, также и после грамматического показателя).

В Д.я. имеется три морфологических типа простых (не сложных) слов: I тип — слова, морфологически нечленимые и не получающие грамматических показателей (например, числ. *йи¹* 'один', *эр³* 'два', *сан¹* 'три' и др.); II тип — слова, морфологически нечленимые, но грамматически оформляемые (например, сущ. *мын¹* 'дверь', *кү²* 'горький', *зан³* 'стоять' и др.); III тип — слова, морфологически членимые и грамматически оформляемые (например, двусложные глаг. с полуаффиксами-модификаторами: *зан³ха¹* 'остановиться', *вон³ха¹* 'забыть' — *зан³ха¹ли¹* 'остановились', *вон³ха¹ли¹* 'забыли' — *зан³ха¹ни¹* 'остановятся', *вон³ха¹ни¹* 'забудут' и др.).

Части речи включают: глаголы и прилагательные, в совокупности образующие суперкласс предикативных слов (или, по другой терминологии, предикаторов); существительные, местоимения, числительные; наречия, модальные частицы; предлоги, послелог, конлоги; союзы; междометия.

Являясь по своим основным типологическим признакам изолирующим языком (отсутствие во многих случаях морфолого-грамматических показателей, наличие сравнительно большого кол-ва моносиллабов и т.д.), Д.я. в то же время содержит немало элементов, позволяющих говорить о своеобразной системе словоизменения. Эта система, как указывалось, не обладает высокой степенью жесткости, и к тому же формы слов зачастую непосредственно влетены в систему синтаксических форм высказывания. В частности, прослеживаются явления словоизменения, связанные с определенными лексико-грамматическими классами слов: видо-временные формы глаголов (*да²ди¹ни¹* 'бьет', *да²ли¹* 'бил', *да²ни¹* 'будет бить'), ед. и мн. число существительных (*дэ³фу¹* 'врач' — *дэ³фу¹-му¹* 'врачи'), степени сравнения прилагательных (*щён¹ди¹* 'вкусный', *щён¹щёр¹* 'вкусней', *щён³ди¹хын²* 'вкуснейший'), формы количественных и порядковых числительных (*йи¹* 'один', *эр³* 'два', *ту¹йи¹гэ¹* 'первый', *ту¹*

эр³гэ¹ 'второй'), формы ед. ДУНГ 357 и мн. числа личных и указательных местоимений (*ни²* 'ты', *ни²му¹* 'вы', *жы³гэ¹* 'этот', *жы³ще¹* 'эти'). Кроме того, упоминавшаяся выше полифункциональность реляционного элемента *-ди*, выступающего в суффиксальной форме, дает основание ряду исследователей, например в случае присоединения *-ди* к глаголу, говорить о наличии в Д.я. формы причастия (*чы¹ха¹ди¹* 'съеденное', *да²дэ¹ди¹* 'разбитый') и деепричастия (*зан³ди¹чы¹* 'стоя есть'). Правда, тогда надо говорить и о наличии другой, «абсолютной», формы деепричастия (*фи³ха¹нян¹* 'лежа читать').

О большой близости формальных и семантических свойств глаголов и прилагательных свидетельствует наличие большого множества полифункциональных лексем, обладающих как глагольными, так и адъективными значениями и способных сочетаться с соответствующими показателями. Примером может служить слово *бин¹* 'холодный, остыть': *бин¹тон¹* 'холодный суп'; *жы³гэ¹бин¹ли¹*, *вэ²цэ¹чы¹ни¹* 'как только это остынет, я буду есть'; *та²ди¹ту¹шо¹ди¹лян¹хуэ²йи¹ён³*, *жүэ¹кэ¹бин¹ди¹ни¹* 'его голова горела, как огонь, а ноги были холодные'; *күэ³чы¹лэ¹*, *фан³бин¹-дэ¹ли¹* 'иди скорее есть, а то лапша остынет'.

Весьма распространены и случаи, когда слово, являющееся на первый взгляд типичным глаголом, оказывается употребительным и в адъективных конструкциях. Так, слово *зуэ¹* 'квасить, испытывать изжогу' употребляется и как глагол, и как прилагательное: *вэ²чы¹ли¹хан¹йү¹ли¹*, *щин¹ни¹зуэ¹ди¹ни¹* 'я поел соленой рыбы, и у меня изжога'; *мэ¹мэ²вуэ²дэ¹ли¹*, *чү¹лэ¹зуэ¹ви³до¹ли¹* 'хлеб испортился, и появился неприятный запах'.

Таким образом, специфика организации частей речи в Д.я. заключается прежде всего в наличии, хотя и разнородного, но весьма спаянного суперкласса предикаторов с общим категориальным значением «преддицируемого признака», причем соответствующие явления не могут быть сведены к понятию конверсии. В этом отношении показательны конструкции типа *ба¹ё¹ни¹гун²ди¹хын²ли¹*, *гун²лан¹-сан²дэ¹ни¹* 'картошку переваришь — (она) развалится', где форма слова *гун²* может быть одновременно истолкована и в адъективном, и в глагольном плане.

Дунганский глагол, если он является единственным или последним сказуемым в предложении, должен быть, за редким искл., обязательно оформлен грамматическими показате-

лями. Общее их число невелико. По своей семантике они связаны прежде всего с категорией вида и через нее – с категориями времени и отчасти наклонения и модальности. В целом семантические функции каждого показателя достаточно разнообразны. Кроме того показатели могут вступать между собой в определенные сочетания и образовывать грамматические конструкции для выражения тех или иных видо-временных и модальных значений. Все это служит основанием для различных трактовок системы грамматических категорий дунганского глагола.

Грамматическая («предикативная», в терминологии А.А. Драгунова) видовая система включает: 1) перфективный (совершенный) вид: суффикс *-ли¹*, отрицательная форма с наречием *мэ¹*, стоящим перед чистой основой глагола; 2) имперфективный (несовершенный) вид: суффикс *-ни¹*, отрицательная форма с наречием *бу¹*, стоящим перед чистой основой; 3) релятивный (относительный) вид: суффикс *-ди¹ни¹*, отрицательная форма с наречием *мэ¹*, стоящим перед основой, оформленной суффиксом *-ди¹*.

В практических грамматиках Д.я. эти три типа форм интерпретируются обычно как показатели прошедшего, будущего и настоящего времени. Такая трактовка отражает определенную тенденцию Д.я., но далеко не всегда объясняет все множество фактов.

Для обозначения действия в неопределенном прошлом с оттенком повторяемости используется суффикс *-гуэ³*. Императив выражается нулевым суффиксом, а в отрицательной форме – постановкой перед глаголом наречия *бэ¹*. Отглагольное имя оформляется суффиксом *-ди¹*, при этом оно участвует в построении разнообразных грамматических конструкций, тесно взаимодействуя с другими формами глагола. Наконец, надо отметить разнообразные грамматические функции «неоформленного» глагола в позиции второстепенного предиката при построении сложных синтаксических конструкций.

Особые, «смешанные» показатели (со своей семантикой) возникают в тех случаях, когда глаголы с отрицанием получают дополнительное суффиксальное оформление: *бу¹... -ли¹*; *бу¹... -ни¹*; *мэ¹ю²... -ли*; *мэ¹... -ни¹*; *мэ¹... -гуэ³*; *мэ¹... -гуэ³-ни¹*; *бэ¹... -ли¹*.

Широкие семантические функции глагольных грамматических показателей можно продемонстрировать на примере следующих фраз с суффиксом *-ли¹*: *дуэ¹ще³ли¹*, *вэ² бу¹ чы¹*

ян¹ли¹ 'спасибо, я больше уже не курю'; *Са²-лир² до³ жя¹ни¹, цэ³ щён² чы¹кэ¹ли¹ 'только придя домой, Салир захотел есть'*; *ни² на²му¹ жи² суй³ли¹? Вэ¹ ву²шы¹ сы³ суй³ли¹ 'так сколько же тебе уже лет? мне уже 54 года'*; *ни² бу¹ хуэй³ фу¹ли¹, бу¹ шуэ¹ма²? 'если ты не умеешь плавать, то почему не учишься?'*; *вэ²-му¹ жя¹ни¹ лэ¹ли¹ ки¹ли¹ 'к нам пришли гости'*; *ни² ба¹ бо³ нян³ли¹ мэ¹ю²? 'ты уже кончил читать газету или нет?'*; *фи² гун²ли¹, ба¹ мян³ ця³шон¹! 'когда вода закипит, положи лапшу!'*; *дын² йи¹хур², вэ² зу³ лэ¹ли¹ 'обожди минутку, я сейчас приду'*. В плане специфики соотношения глагольных категорий в Д.я. большой интерес представляют случаи возможного одновременного употребления двух грамматических суффиксов в составе одной формы: *да²дэ¹ли¹ди¹ни¹* букв. 'уже убит и сейчас мертв'.

Для иллюстрации важной роли отглагольного имени в организации дунганского высказывания приведем примеры, иллюстрирующие как деепричастно-причастные, так и другие функции глагольной формы на *-ди¹*, например: *Хар¹ки¹ кэ¹ дан¹ди¹ лён² куон¹зы¹ пу¹то² жин³лэ¹ 'Харки снова вошел, таща две корзины винограда'*; *вэ² сы¹лён²ди¹ та² мир¹ лэ¹ни¹ 'я думаю, что он придет завтра'*; *та²ди¹ мин¹зы² жэ³ди¹ Му²хар¹мэ³ 'его зовут Мухармэ'*.

Особо надо отметить, что для построения и функционирования глагольных конструкций существенно учитывать лексико-грамматическую видовую систему. Она образуется противопоставлением простых и сложных глагольных основ; последние состоят из главной основы и морфемы-модификатора, в значении которой обычно входит семантический компонент результата или начала действия (см. «Словообразование»). Простые основы выражают действие как таковое, а основы с модификаторами подчеркивают непротяженность, недлительность процесса. Это накладывает определенные ограничения на их сочетаемость с грамматическими суффиксами и с различными видами отрицания. Так, отрицание *бу¹*, содержащее в своем значении элемент отрицания длительности действия, не может, как правило, стоять перед сложной основой, а всегда инкорпорируется в нее со значением, однако, отрицания не самого действия, а возможности довести данное действие до тех или иных результатов. Например, от сложной основы *кан³жян²* можно образовать форму *кан³бу¹жян²* 'не быть в состоянии увидеть', но нельзя образовать форму *бу¹ кан³жян²*. Пока-

затель *-дини* имеет основное значение длительного настоящего времени, но этим его функции, как и в предыдущем случае, не ограничиваются. То же (и еще в большей степени) относится к показателю *-ни*.

III. Словообразование. Основным способом словообразования является синтаксический – словосложение: *фын¹чуан¹* ‘самолет’ (*фын¹* ‘ветер’ + *чуан¹* ‘корабль’); *гун¹чян¹* ‘зарплата’ (*гун¹* ‘труд’ + *чян¹* ‘деньги’) и др. Складывающиеся элементы при этом могут относиться к одному (как в приведенных выше примерах) или различным лексико-грамматическим классам слов: *бий¹те¹* ‘алюминий’ (*бий¹* ‘белый’ + *те¹* ‘железо’), *сан¹нён¹* ‘тетя (третья по счету)’ (*сан¹* ‘три’ + *нён¹* ‘мать, тетя’) и др.

Сложные слова составляют главную часть лексического фонда Д.я. Они являются открытым классом, который может пополняться в речи и новыми образованиями, построенными в соответствии с наиболее продуктивными формальными и семантическими моделями объектного, результативного, сочинительного и др. типов.

Однако дунганские слова образуются также морфологическим, главным образом, суффиксальным, способом: *ла¹зы¹* ‘перец’ (*ла¹* ‘горький’ + суф. *-зы¹*); *зу²шу¹* ‘походка’ (*зу²* ‘идти’ + суф. *-шу¹*). Весьма продуктивным является синтактико-морфологический способ: *сан¹гын¹зы¹* ‘подножие горы’ (*сан¹* ‘гора’ + *гын¹* ‘корень’ + суф. *-зы¹*); *мый¹ту¹зы¹* ‘колос’ (*мый¹* ‘пшеница’ + *ту¹* ‘голова’ + суф. *-зы¹*).

Словообразовательную роль играет и показатель *-ди*: с его помощью образуются качественные наречия (*хо²ди¹* ‘хорошо’, *куэ³ди¹* ‘быстро’), а также аналоги русских относительных прилагательных (*шы¹ту²* ‘камень’ – *шы¹ту²ди* ‘каменный’, *хуэ²фон¹* ‘кухня’ – *хуэ²фон¹ди¹* ‘кухонный’).

К продуктивным формальным средствам словообразования относится и редупликация, которая часто используется в сочетании с суффиксацией. Так образуется ряд наречий: *бин¹бин¹ди¹* или *бин¹бир¹* ‘холодно’ от *бин¹* ‘холодный’.

Наконец, как отдельный способ словообразования следует назвать конверсию. Так, пополнение класса прилагательных может происходить путем адъективизации существительных: *ву³* ‘туман’ и ‘темный’ (ср. *ву³мян³* ‘темная мука’); *жун³мый²* ‘красота’ и ‘красивый’ (ср. *жун³мый²гүнён¹* ‘красивая девушка’, *жы³гэ¹гүнён¹жун³мый²ди¹хын²* ‘эта де-

вушка очень красивая’). Соотношение формально совпадающих прилагательных и глаголов может трактоваться как в терминах конверсии, так и в терминах полифункциональности единой лексемы (см. «Морфология»).

Особо следует остановиться на таком характерном для словообразования глаголов процессе, как присоединение к простому глаголу полусуффиксов-модификаторов. Исторически они восходят либо к самостоятельным глаголам, либо к предикативным прилагательным. Число модификаторов довольно велико. Наиболее продуктивными в словообразовательном отношении являются, например: *до³* ‘дойти, достигнуть’, *ван¹* ‘кончить’, *шон³* ‘поднять(ся)’, *ха³* ‘спустить(ся)’, *гуэ³* ‘пройти (через)’, *хо²* ‘хорошо’. Сложный глагол может иметь два модификатора: *по²шон³лэ¹* ‘прибежать наверх (сюда)’. Получаемые производные слова образуют класс результативных глаголов, глаголов движения с пространственной модификацией и других глаголов с более сложной семантикой (такие образования приобретают и ряд особых грамматических свойств, см. выше), например: *ще²* ‘писать’ – *ще²шон³* ‘написать’; *пе¹* ‘бросать’ – *пе¹шон³* ‘набросить’; *гуан¹* ‘закрывать’ – *гуан¹шон³* ‘закрывать’; *зуэ³* ‘сидеть’ – *зуэ³ха³* ‘сесть’; *мэ³* ‘продавать’ – *мэ³ха³* ‘продать’; *по²* ‘бежать, бегать’ – *по²дэ¹* ‘убежать’; *зү³* ‘делать’ – *зү³ван¹* ‘сделать (до конца)’; *нян³* ‘учиться’ – *нян³кэ¹* ‘начать учиться’; *тин¹* ‘слышать’ – *тин¹жян²* ‘услышать’; *кан³* ‘смотреть’ – *кан³хо²* ‘разглядеть, рассмотреть’.

В одних случаях смысловая связь модификатора с соответствующим самостоятельным словом еще вполне ясно осознается говорящими (таковы в приведенных примерах морфемы *ван¹* ‘кончить’, *хо²* ‘быть хорошим’, *ха³* ‘направляться вниз’ в слове *зуэ³ха³* ‘сесть’), в других же случаях смысловая связь с соответствующими знаменательными словами ослаблена и морфемы-модификаторы перешли, по существу, на роль суффиксов (таковы, например морфема *ха³* в слове *мэ³ха³* ‘продать’ или же морфема *шон³* с диалектным вариантом *хон³* ‘направляться вверх’ в слове *гуан¹шон³* ‘закрывать’).

Существенно, что модификаторные глаголы (термин Б.Ю.Городецкого) по своей формальной и семантической структуре близки к открытому классу сложных глаголов. Наиболее характерной объединяющей их чертой является большая порождающая сила результа-

360 ДУНГ тивной модели производного слова по типу «действие—результат»: ср. $\acute{e}^1\text{фи}^3\text{жу}^1\text{ли}^1$ 'укачала так, что уснул', где \acute{e}^1 'качать' соединяется с модификаторным глаголом $\text{фи}^3\text{жу}^1$ 'уснуть', который состоит из основного корня фи^3 'спать' и модификатора жу^1 'ловить'.

IV. Синтаксис. Порядок слов как в простом, так и в сложном предложении строго регламентирован. В простом предложении он, как правило, таков: «подлежащее — сказуемое — дополнение» ($\text{ва}^1\text{му}^2\text{нян}^3\text{фу}^1\text{ди}^1\text{ни}^1$ 'дети читают книгу'). Распространение простого предложения дает структуры типа «подлежащее — обстоятельство — сказуемое — определение — дополнение» ($\text{ва}^1\text{му}^2\text{ч}^1\text{ч}^1\text{ер}^1\text{нян}^3\text{хо}^2\text{фу}^1\text{ди}^1\text{ни}^1$ 'дети тихо читают хорошую книгу'). В сложном предложении характерная последовательность расположения его составных частей такова: обязательна препозиция придаточных определительных, подлежащих, обстоятельственных места и др. ($\text{на}^2\text{га}^1\text{фон}^1\text{ни}^1\text{ж}^1\text{ба}^1\text{ки}^2\text{жон}^3\text{до}^1\text{н}^3\text{га}^1\text{фон}^1\text{ни}^1$ 'какая комната теплее, в ту комнату и пригласите гостей') и постпозиция придаточных дополнительных.

Для однородных определений характерно повторение определяемого слова столько раз, сколько у него имеется в данном предложении определений: $\text{хуа}^1\text{тян}^1\text{зы}^1\text{ни}^1\text{жон}^3\text{ди}^1\text{хун}^1\text{хуар}^1\text{лан}^1\text{хуар}^1\text{бий}^1\text{хуар}^1$ 'в цветнике растут красные (цветы), синие (цветы), белые цветы'.

В построении словосочетаний, помимо порядка слов и показателя $-\text{ди}^1$, большую роль играют предлоги, послелог (которые в двух случаях имеют суффиксальную форму и могут рассматриваться как показатели местных падежей); конлоги (в иной терминологии здесь можно говорить о предложно-послеложных конструкциях): ба^1 (предлог прямого объекта); ги^2 (предлог косвенного объекта); лян^1 (предлог, часто выражающий значения творительного падежа и русского предлога 'с'); на^1 (предлог, часто выражающий значение творительного падежа); $-\text{шон}^3$ (послелог в форме суффикса, примерно соответствующий русскому 'на'); $-\text{ни}^1$ (послелог в форме суффикса, примерно соответствующий русским 'в, внутри'); $\text{з}^3\text{шон}^3$ (конлог с примерным значением 'на чем-л.');

$\text{з}^3\text{ни}^1$ (конлог с примерным значением 'в чем-л.');

$\text{з}^3\text{ли}^2\text{ту}^1$ (конлог с примерным значением 'внутри вещества');

$\text{з}^3\text{гын}^1\text{чян}^2$ (конлог со значением 'около');

$\text{з}^3\text{ва}^3\text{ту}^1$ (конлог со значени-

ем 'вне'); $\text{да}^1\text{шон}^3$ (конлог с примерным значением 'от, из, с' или 'через') и др. Здесь предлог з^3 несет идею о том, что объект или процесс находятся в границах некоторого пространства, а предлог да^1 — о том, что движение направлено из границ или через границы некоторого пространства; при этом особенности локализации уточняются послелогом. В построении конлогов участвуют также предлоги вон^1 (примерное значение 'к, в, на') и фын^3 (примерное значение 'вдоль, по'), а также послелог $\text{бян}^1\text{ни}^1$, $\text{ту}^1\text{ни}^1$, йир^2 , $\text{чян}^1\text{ту}^1$, $\text{ху}^3\text{ту}^1$, $\text{н}^3\text{бон}^1\text{га}^1$, выражающие различные аспекты локализации объекта. Конструкции с этими синтаксическими элементами выражают разветвленную систему реляционно-пространственных значений.

О тесной связи морфологии и синтаксиса в Д.я. свидетельствует наличие разнообразных конструкций для выражения тех значений, которые, например, в индоевропейских языках воплощаются прежде всего в морфолого-грамматических категориях. Например, при выражении сравнительной степени прилагательных используются суффиксы $-\text{щер}^1$, $-\text{йи}^1\text{дяр}^2$, нулевой суффикс и служебные слова би^2 , ган^2 , создавая несколько вариантов таких конструкций: $\text{ху}^1\text{зы}^2\text{ган}^2\text{лон}^1\text{суй}^3$ 'лиса меньше волка', $\text{гон}^1\text{би}^2\text{те}^1\text{нин}^3$ 'сталь тверже железа'. Заметим, кстати, что в целом число конструкций с прилагательными в Д.я. более тридцати и все они основаны на выражении синтаксических связей с помощью служебных элементов и порядка слов. Так, при построении сравнительных оборотов типа $\text{та}^2\text{жян}^1\text{ди}^1\text{лян}^1\text{хур}^1\text{йи}^1\text{ен}^2$ 'он умный (и хитрый), как обезьяна' Д.я. предоставляет инвентарь из пяти возможных конструкций. Другим примером синтаксического разнообразия в выражении конкретного грамматического значения могут служить страдательные конструкции с глаголами.

Заметной особенностью дунганских сложноподчиненных предложений является наличие своеобразного синтетического способа соединения главного предложения с придаточным дополнительным и придаточным степени с помощью морфемы $-\text{ди}$, а также с помощью морфем $-\text{сы}$, $-\text{до}$, выполняющих одновременно функцию аффикса и функцию служебного слова: $\text{ни}^2\text{му}^2\text{чин}^1\text{сы}^1\text{лен}^2\text{ди}^1$, $\text{за}^2\text{му}^1\text{зу}^2\text{д}^1\text{ли}^1$ 'твоя мать думает, что мы ушли'.

Особую роль в организации различных синтаксических конструкций в Д.я. играет показатель $-\text{ди}$, который, хотя и присоединяется к последнему слову синтаксического ком-

плекса, выполняет синтаксические функции в масштабе целого предложения: *та² ма¹ фа¹, жэ¹ ва¹му² бон¹мон¹лэ¹ди¹ хуа³, ка¹сы¹ жын¹жя² чи³пу³пур² ду¹ до³лэ¹ли¹* 'он не говорил, чтобы дети пришли помогать, но те дружно все подошли'.

V. Лексика. С точки зрения происхождения выделяются собств. дунганская лексика и слова, заимствованные из других языков. Наиболее ранними лексическими заимствованиями являются арабо-персидские: *сэдэгэ* (араб. *садақа*) 'милостыня', *бэля* (араб. *бәле*) 'беда', *асман* (перс. *асман*) 'небо', *бандэ* (перс. *бандэ*) 'раб божий' и др. Несколько позже были заимствованы слова из тюркских языков: *чяпан* (кирг. *чапан*) 'халат', *байи* (кирг. *бай*) 'богач', *чадахы* (кирг. *чатак*) 'ссора' и др. Заимствованиями последних десятилетий являются слова из русского языка, а также иноязычные слова, проникшие в Д.я. через русский: *диван, пальто, аспирин* и др.

Лексико-семантическая система отличается разнообразием и гибкостью семантических отношений, а также богатой фразеологией. Многие слова характеризуются развитой полисемией; ср., *зуй²* в различных контекстах: 1) рот: *та²ди¹ зуй² да³ди¹хын¹* 'у него очень большой рот'; 2) язык (средство общения): *зуй² чон¹ – жэ² сы³фи¹, сан¹зы¹ чон¹ – ла¹лу³фи²* 'язык мой – враг мой'; 3) 'перебивать кого-л. в разговоре': *та² йи¹ха³ цы¹ли¹гэ¹ зуй², хан²ди¹...* 'он сразу перебил их, крикнув...'. Особенно продуктивна полисемия прилагательных и глаголов, часто совмещающих эти два типа значений в одной лексеме (см. в разделе «Морфология» о полифункциональности частей речи).

Для дунганской лексики характерна богатая синонимия. Это могут быть синонимы-однослоги (*суй³, га¹, щэ²* – 'маленький'), синонимические ряды, включающие производные слова: *зуэ²* 'левый', *зуэ²бон¹ди¹* (*бон¹* 'бок, сторона'), *зуэ²мяр¹ди¹* (*мян¹* 'лицо, поверхность'). Все члены приведенного ряда взаимозаменяемы, например, в сочетании *зуэ¹ хэ¹ян¹* 'левый берег'. Здесь это характерное для Д.я. явление однокоренных синонимов: *жын³, жэ¹, жын¹жэ¹* 'душный, жаркий'; *чин¹, чин¹чэ¹, чин¹сын¹* – 'легкий'; *пи¹шы², жэ¹шы²* 'здоровый, крепкий' и т.п. Синонимические ресурсы опираются на тесное взаимодействие полисемии и синонимии. Так, для прилагательного *хи¹* в значении 'темный, аморальный' синонимами являются *ха¹* (в одном из своих значений) и *мэ¹лян²ди¹*: во фразе *та² ба¹ хи¹ хуэ¹ ган³ха³ли¹* 'он совершил аморальный посту-

пок' они все взаимозаменяемы. Благодаря полисемии число синонимов у одной лексемы может доходить до 20–30 слов и фразеологических выражений.

Весьма развита и система антонимических отношений (*хо¹* 'хороший' – *ха¹* 'плохой'; *бий¹* 'белый' – *хи¹* 'черный'; *го¹* 'высокий' – *ди¹* 'низкий'; *вын³* 'спрашивать' – *хуй¹да²* 'отвечать' и т.д.). Большую роль в системе антонимов играют глагольные модификаторы, которые выражают специфические смысловые противопоставления и организуют антонимические пары применительно к определенному типу контекстов. Например, для *лэ³кэ¹* 'отпустить' имеется несколько антонимов, и среди них *бон²чү¹* 'привязывать' и *жуа¹чү¹* 'ловить': *ба¹ ню¹ бон²чү¹, ба¹ ню¹ва²зы¹ лэ³кэ¹* 'корову привяжи, а теленка отпусти'; *ба¹ гэ¹зы¹ жуа¹чү¹ли¹, кэ¹ лэ³кэ¹ли¹* 'голубя поймали, но опять отпустили'. Антонимия тесно увязана с полисемическими потенциями слова. Так, для слова *жы¹* 'прямой' в его переносном значении в качестве антонима выступает слово *гуэ³*: *жы³гэ¹ жын¹ мэ¹ жы¹ди¹, гуэ³ди¹хын²* 'этот человек не прямой, а хитрый'.

С точки зрения формы лексем словарный состав Д.я. отличается высокой степенью омонимичности слов-однослогов (*чён¹*: лексема 1 – 'стена', лексема 2 – 'прятать', лексема 3 – 'ружье'). С целью обеспечения коммуникативной эффективности язык выработал механизмы построения биномов и создания рядов синонимов из простых и сложных слов.

Дунганские антропонимы, как правило, арабского происхождения. Часто от одного имени образовано множество других, нередко очень далеких друг от друга по звучанию имен. Это относится как к мужским, так и к женским именам. Так, от мужского имени *Мухамед* произошли имена *Мухармэ, Мэхарму, Махмут, Мумузы, Мумур, Мур, Мурдан, Магэзы, Магэр*, а от женского имени *Айша* – имена *Айшэ, Ашэзы, Ашэр, Шэр, Шэвазы, Шэвар*. Что касается фамилий, то они образованы в основном от мужских имен. Есть, однако, фамилии и от названий дунганских родов *Ма, Ён, Нью, Мэ, Бый, Хи, Лан, Лю, Фын, Ще: Маценло, Ёнахун, Ньюэр, Мэценло, Быйахун, Хилоу, Ланфон, Люшызы, Фынчин, Щеахун*.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии (Материалы к семантической типологии)/Отв. ред. Б.Ю.Городецкий, М.Х. Има-

зов. Бишкек, 1991; Драгунов А.А., Драгунова Е.Н. Дунганский язык//Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. 6. М.-Л., 1937; Драгунов А.А. Исследования в области дунганской грамматики//Труды Ин-та востоковедения АН СССР (Москва), Т. XXVII. М.-Л., 1940; Имазов М.Х. Очерки по морфологии дунганского языка. Фрунзе, 1982; Имазов М.Х. Очерки по синтаксису дунганского языка. Фрунзе, 1987; Калимов А. О фонетической модификации арабских заимствований в дунганском языке//Семитские языки. Вып. II. М., 1965; Калимов А. Дунганский язык//Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968; Поливанов Е.Д. Фонологическая система ганьсуйского наречия дунганского языка//Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе, 1937; Поливанов Е.Д. Музыкальное ударение, или «тоны», дунганского языка//Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе, 1937; Русско-дунганский словарь. Т. 1-3. Фрунзе, 1981; Trubetskoy N.S. Aus meiner phonologischen Kartothek. Das phonologische System der dunganischen Sprache//Travaux du Cercle linguistique de Prague. Vol. 8. Prague, 1939.

Т.С.Зевахина, М.Х.Имазов

Е

ЕНИСЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Енисейские языки, к которым относятся: **аринский, ассанский, кетский, коттский, пумпокольский, югский**, — языки коренных народностей Сибири. Аринский, ассанский и пумпокольский исчезли к кон. XVIII в., коттский существовал до сер. XIX в. и был в последний раз записан известным финским ученым М.А.Кастреном, а кетский и югский сохранились до наших дней (правда, на югском практически уже никто не говорит, и он находится на грани полного исчезновения). Эти народности, живущие по Енисею и его притокам с древнейших времен, родственны между

собой и объединены в науке под общим названием «енисейцы». В XVII–XVIII вв. из этих народностей были зафиксированы арины, ассаны, кеты, котты, пумпоколы и юги (смыские кеты). Предполагается, что в это время енисейцы были представлены и другими народностями Сибири. Так бачатские телеуты (ашкиштимы) и койбалы (койбалкиштимы), возможно, являются тюркизированными самодийцами и кетами, но достоверных фактов не сохранилось. Известно, что арины проживали к С. от г. Красноярска по обоим берегам Енисея до р. Сплошной, а также в верховьях рр. Кеть, Кемь и М. Кемчуг; котты и ассаны — к Ю. и В. от г. Красноярска до р. Кан; пумпоколы — в верховье р. Кеть, юги — к С. от г. Енисейска до г. Дупчеса, а кеты — к С. от р. Подкаменная Тунгуска до р. Курейки.

Важным источником сведений о былом расселении енисейцев и распространении их языков являются топонимы енисейского происхождения. Установлено, что кетско-югские гидронимы на *-сес*, *-сис* (от кет.-юг. *сес* 'река') встречаются не только по Енисею к С. от г. Енисейска, но и на рр. Кеть, Тым, Васюган, в верховье р. Вах, на Иртыше (особенно на его прав. притоках), на р. Томь, а также на терр. Хакасии и Сев. Тувы. Пумпокольские гидронимы на *-там*, *-тет* (от пумпок. **тет* 'река') тоже занимают обширную территорию. Они встречаются в верховье Кетти, в низовье Чульма, а ряд гидронимов уходит цепочкой на Ю. и Ю.-В. до Сев.-Вост. Тувы. Аринские гидронимы на *-сет*, *-сам* (от арин. *сет* 'река') представлены на Средней Оби и по Енисею. В междуречье Кана и Бирюсы встречаются коттские гидронимы на *-шет* (от котт. *шет* 'река'). Небольшой ареал этих же гидронимов представлен западнее р. Томь. Ассанские гидронимы на *-ул* (от ассан. *ул* 'река; вода') занимают обширный ареал от р. Кан на В. до р. Томь на З.

Все Е.я. бесписьменны. Возможно, древние енисейцы имели письменность, т.к. ко времени возникновения орхоно-енисейской письменности они находились в районе ее создания. В 1930-х гг. была создана письменность на кетском языке, но она не получила практического применения, а ее создатель Н.К.Каргер был репрессирован.

В целом группа Е.я. представлена исторически тремя близкородственными подгруппами: кетско-югской, ассано-коттской и арино-пумпокольской. Хронологические рамки распада общенисейского языка и образования отдельных Е.я. связывают с рубежом старой